

№13 (17)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ԴԻՄԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

2024

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական
համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԿՆԵՐՆԵՐԸ
Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

13 (17)

ԵՐԵՎԱՆ 2024

ЕРЕВАН 2024

YEREVAN 2024

*Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ. Վ. Լոմոնոսովի
անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից*

*Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

*Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State Univer-
sity M.V. Lomonosov in Yerevan*

«ՈՒՌՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հան-
դեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի
մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրու-
թյուն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնա-
կանների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսա-
յականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորու-
թյան ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала **«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
РУСИСТИКИ»** рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как
отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения
внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым
популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов,
грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №13
(17). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2024. – 314 с.

ISSN 1829-4820

*Журнал входит в список периодических изданий **ВАК РА***

 ORCID: 0000-0002-4377-1601

 ORCID: 0000-0001-9263-6791

© *Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СНОВ В КИТАЙСКОЙ КЛАССИКЕ
И ОНЕЙРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ В ДРАМЕ
«ПИОНОВАЯ БЕСЕДКА»**

Наталья Кареновна Гончар-Ханджян

ORCID: [0009-0002-5462-8509](https://orcid.org/0009-0002-5462-8509)

natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

*Кандидат филологических наук, доцент,
Доцент кафедры зарубежной литературы,
Ереванский государственный университет,
Ереван, Республика Армения*

Анна Ашотовна Арутюнян

2arutyunyanna4@gmail.com

*Студентка 3 курса
направления Зарубежное регионоведение,
Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

На заре человечества сон стал занимать особое место в различных религиозных учениях, был неременной составляющей сакральных культов, ритуалов, мистерий, выступал ведущим элементом кросскультурного мифа. Концепт сна существенен для понимания и постижения восточных культур, в частности, китайской, а знаменитый сон мудреца Чжуан Чжоу (или Чжуан Цзы) стал отправной точкой для целого ряда литературных сюжетов. Лейтмотивная в литературе Китая онейрическая тема присутствует, а порой

определяет и ведет повествование в старинных и средневековых повестях, в драмах и классических романах, находит свое лирическое выражение в стихах Ли Бо, Ду Фу, Мэн Хаожаня, Цзян Куя, Бэй Дао, Хай Цзы и других поэтов.

Предметом данной статьи является краткая презентация феноменологии сна и сновидений в религиозно-философском и художественно-литературном наследии Китая, в частности с опорой на пьесу Тан Сян-цзу «Пионовая беседка».

Цель данной статьи – передача онейрической темы в китайской классической литературе, которая дает неисчерпаемый материал современным авторам, одной из ведущих тем которых становится сон. В фокусе непосредственного внимания авторов статьи – драма позднеминской эпохи, где мотив сна помогает обойти цензуру и высказать жесткую авторскую позицию в отношении официальной неоконфуцианской идеологии, не вступая в открытый конфликт с широкой социальной прослойкой, придерживающейся ортодоксальных взглядов. В основе статьи – примеры из текстов классической китайской литературы, как и отсылки к научным источникам на русском и английском языках. Ограниченность критических обращений на русском языке к сновидческому мотиву в пьесе Тан Сян-цзу при высоком уровне ее сценической популярности в наши дни (в том числе, в России) определяет актуальность избранной темы.

Ключевые слова: Тан Сян-цзу, «Пионовая беседка», онейрический мотив, критика неоконфуцианства.

Введение.

Издавна сон был окружен ореолом таинственности. Можно заметить его явную связь с древними преданиями, мифами, легендами и рассуждениями философского характера, сну отводится особое место в различных религиозных учениях и школах. Так, например, в хадисах, передающих основные положения ортодоксальной доктрины ислама, утверждается, что представление того, что на самом деле человеку не приснилось, как увиденного во сне, недопустимо и является греховным.

Сила сновидений столь велика, что порой именно они становятся причиной развязывания войн, заключения мира, рождения новых теологических учений. На заре человечества, в период возникновения кросскультурного мифа, полагали, что сновидения – это особое состояние души, деятельность духов, открывающих сновидцу портал в иные миры.

Особое внимание толкователи уделяли снам с фантастическим содержанием, дающим простор для вариативных трактовок и интерпретаций, содержащим посыл, воспринимаемый как пророчество, устрашающее или обнадеживающее, и порой чье-то ночное видение влияло на государственные решения, приводило к взлетам и падениям династий, определяло судьбы целых народов и цивилизаций.

С мистической и не поддающейся определению структурой сна связаны экстатические техники шаманизма, в архаические времена шаманам-сновидцам позволявшие совершать их астральные путешествия. С незапамятных времен известно огромное количество различных ритуалов, проводившихся с целью погружения в сон и активизирования бессознательной стороны психики. Прошедшие ряд инициационных, посвятительских обрядов отправлялись в храмы, где принимали участие в священных песнопениях и сакральных ритуалах. Но только после обряда омовения и, тем самым, очищения от скверны, под контролем храмовых служителей посетитель получал право погрузиться в целительный сон, и это сакрализованное действие позволяло достичь изначально запрограммированного результата: приснившееся в таких условиях приоткрывало завесу волнующей тайны, помогало излечить застарелый недуг, завершить гештальт, возродиться к новой жизни. «Подобная подготовка активизировала бессознательную часть психики, и часто ожидаемое сновидение действительно поражало воображение и становилось откровением» [10].

Особое место в кросскультурном мифе, как и в общемировом религиозно-философском и художественно-литературном своде текстов занимают ориентальные сны.

В канонической литературе Тибета сновидения связаны, в частности, с феноменом Будды Шакьямуни и изложены в специальных текстах, именуемых терминами. Третий вид термовпод названием «Учения чистого видения» излагают «учения, открытые в *чистом виде* в сновидении или медитативном погружении» [12: 372]. Только через сон можно узнать, где находятся драгоценные термины и стать их толкователем – тертоном. Примеры таких пророческих снов-разгадок приводятся в книге «Сны Пробужденных: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета». Сны использовались и махасидхами¹ для «подтверждения своей святости или истинности того или иного лица или деяния» [6: 68].

В Японии издавна снам отводилась ведущая роль в мифах и преданиях, традициях и ритуалах. Среди сверхъестественных персонажей японского фольклора с феноменом сна и сумеречной зоной связаны как демонические ёкаи, так и благие и доброжелательные духи, как, например, баку – пожиратель дурных снов и кошмаров, избавляющий от ночных наваждений, один из любимых персонажей японских комиксов и аниме. Фигура сна в качестве литературного приема постоянно встречается в литературных сюжетах – от японских кайданов до наводящего ужас японского хоррора, является ведущей в японской поэзии, создавая изысканные визуальные образы: «Весною ни единой ночи // Спокойно я не спал, // Меня тревожит сон: // С прекрасных вишен осыпались листья...» (*Подборку японских стихов о снах см.:* [11]). В японских танках и хокку прославляется *одинокий, милый сон*, в котором привидится поэту любимая, а персидская поэзия сравнивает

¹ «Буддийские махасидхи – центральный идеал святости тантрического буддизма, или виджраяны» [6: 65].

сон с розой, объединив в одно два самых значимых и говорящих символа.

Продолжая тему Востока, нельзя не отметить и ведущую роль снов в персидских разножанровых текстах, где сны выступают важным сюжетообразующим элементом, как, например, в романическом эпосе «Йусуф и Зулейка» Абд ар-Рахмана Джами, где сновидческий сюжет о красавце, в которого влюбляется Зулейка, отсылает к приведенным ниже сновидчески-драматическим сюжетам в китайской литературе.

Ориентальные сны, восходящие к представлению об иллюзорности бытия, существенному для понимания философской доктрины китайских учений, и лейтмотивные в *трехтысячелетней* культуре Китая, и сегодня определяют многие литературные сюжеты и образы – от Борхеса до русских постмодернистов Пелевина и Сорокина, избирающих сон в качестве одного из базовых концептов и опирающихся в своем творчестве на неисчерпаемый материал восточной, в особенности китайской, философии и литературы.

В даосизме, одном из направлений китайской философии, есть такое понятие, как *мастерство сна*, и, чтобы освоить его, требуется немало усилий. Поскольку обычный человек не способен постичь в полной мере свою истинную природу и самосовершенствоваться, то сон, согласно учителю Чэнь Туаню, выступает приемлемой и доступной для непосвященных альтернативой для развития духовных навыков и постижения бытия, будь то реальный или иллюзорный мир. «Заурядным людям некогда уделять внимание (истинно) важному, только лишь сну они уделяют должное внимание» [5]. Освоить техники абсолютного приобщения и полного погружения в процесс *одухотворенных* сновидений можно, изучив трактаты древних даосских мудрецов, слывших магами и чародеями за их, в частности, сновидческие сверхспособности. Среди них основными являются «Тайные указания по

двенадцати методам Мастерства Сна с горы Хуашань» и «Метод спящего дракона» Чэнь Туаня – канонического даосского святого, получившего от императора Тай-цзуна из династии Сун высшее звание «Учитель Сии», а также «Песнь о спящем драконе» Чжан Саньфэна и «Воспевание метода «Спящего Дракона» Люй Дунбиня.

Концепт сна очень существенен для понимания китайской культурной традиции и находит широкое отражение как в религиозно-философских учениях, так и в историографии и художественной литературе. Несомненно, самым известным примером является сон мудреца Чжуан Чжоу, который стал прообразом целого ряда литературных сюжетов. Во сне с Чжуан Чжоу, известным как Чжуан Цзи, произошла метаморфоза: увидев себя в образе беззаботно порхающей бабочки, после пробуждения мудрец стал задаваться вопросом, кто же он на самом деле – человек, которому приснилось, что он бабочка (мотылёк) или бабочка (мотылёк), которой приснилось, что он человек. «Но ощущения из сна еще не покинули его полностью, он чувствовал невесомость в своих руках, словно, будучи бабочкой, продолжал покачивать крыльями. Это заставило его засомневаться: то ли он Чжуан-цзы, ставший бабочкой во сне, то ли бабочка, которой снится, что она Чжуан-цзы. Чжуан-цзы подумал: у бабочки и у меня непременно есть внутренняя сущность, а во сне оказалось, что эти две сущности поменялись местами. Такая замена, должно быть, и есть превращение» [8]. Исходя из философской концепции книги «Чжуан-Цзы», включающей в себя всевозможные притчи самого философа и истории, связанные с ним и отражающие его мировидение (см., в частности, историю о священной черепахе из главы 17 – «Осенние воды» и о черепахе из главы 18 – «Высшая радость»), можно заключить, что сновидческое преобразование Чжуан Чжоу стало результатом его отрешения от мирской суеты, отказом от царских милостей в пользу внутренней ментальной свободы, осознания бренности тела, ограничивающего духовный по-

лет, и своего рода формулой счастья, где, не скованный земным бытием, дух способен парить словно бабочка.

Культуролог и писатель Хорхе Луис Борхес, создавший предпосылки к развитию современных постмодернистских концептов, отсылает к трактовке книги «Чжуан-цзы» английским синологом Г.Дж. Уэйли и в своей рецензии приводит оценки, данные древнекитайскому мыслителю другими европейскими исследователями: для кого-то он мистик, для другого – самый своеобразный писатель своей страны, для третьего – литератор, воспользовавшийся поэтическими возможностями даосской мысли.

«Притча про сон китайского мудреца оказалась настолько близка “лично” Борхесу, настолько “отозвалась” его философским и эстетическим интересам, что он не только включил ее в свою “Антологию фантастической литературы”, но и, можно сказать, “семиотически” встраивал ее как устоявшуюся метафору в различные поздние свои тексты: например, развернуто – в философском трактате “Новое опровержение времени” или свернуто – в стихотворении “Надпись” (из кн. “Железная монета”, 1976) с таким эпиграфом-пояснением: “Году в 1915-м, в Женеве, увидел в музейной витрине высокий колокольчик с китайскими иероглифами. В 1976-м пишу эти строки”, и вот ниже: “Одна, загадочная, я могу быть в этом полумраке колокольной молитвой, фразой, где схоронен смысл всей жизни или целого заката, сном Чжуан-цзы, который знаешь сам, обычной датой и бездонной притчей, царем всего, теперь – строкой письмен...”» [2: 16].

Сон как лейтмотив, как основа сюжета или ключ к разрешению запутанной загадки возникает в литературе Китая на протяжении всей истории. Сон-беспамятство (Неизвестный автор. Яньский наследник Дань: [7: 347]) и сон как свидетельство в оправдание невиновному, заподозренному в расхищении могилы (Чжао Е. Жизнеописание девицы из У по прозвищу Пурпуровый Нефрит: [7: 364–366]), встречается

в древней повествовательной прозе, широко представлен в сунских повестях нихуабень, где транслятором онейрической темы выступает судья-сновидец Бао, в танской и минской поэзии, дошедшей до нас в антологии ученого XVI–XVII века Шэнь Дэ-цяня, в классической драме. Так, дух оклеветанной и несправедливо приговоренной к казни героини драмы «Обида Доу Э» приходит во сне к направленному в провинцию Хуайнань для расследования и наведения порядка чиновнику Доу Тай-чжану, чтобы поведать ему о реальном ходе событий и установить истину. «Пропустите меня, я дочь инспектора Доу Тай-чжана, хочу присниться ему во сне, чтобы рассказать ему о своей безвинной смерти» [4: 295], – обращается призрак Доу Э к охраняющим вход в дом богам. Драму же «Пионовая беседка» можно в целом охарактеризовать как сновидческую, поскольку тема сна задается с самого начала и вокруг нее выстраивается весь сюжет: «Есть ли в Поднебесной среди влюбленных девушек равная Ду Ли-нян? Она как-то увидела во сне юношу – и заболела. Когда же недуг ее усилился до крайности, она собственной рукой нарисовала его портрет, добавила надпись – и умерла. На ее счастье, через три года после смерти отыскался в безбрежном мире тот, кто ей снился, – и она воскресла» [4: 449].

В одном из классических китайских романов «Троецарствие», в котором вымысел переплетается с достоверной историей, сны играют важную роль. Пророческие сны, возвещающие о смерти его нареченных братьев, видит храбрец Лю Бей [3: 498], ночные кошмары снятся вэйскому правителю Цао Цао, которому «после похорон Гуань Юя каждую ночь чудился убитый» [3: 499]. С темой сна вводится в повествование и один из основных персонажей романа – мудрец и полководец Чжугэ Лян, который, пробудившись, складывает стихи, воспевающие сон: «Кто первым поднимется с жесткого ложа? // Я первым проснусь от глубокого сна! // Так спится приятно весною в прихожей: // Спускается солнце, вокруг тишина» [3: 226], и в дальнейшем часто

выступает в роли волшебника-сновидца. В завершающем квартет великих романов «Сне в красном тереме» Цао Сюэ-цинся отсылка к снам заложена в самом названии. Для Борхеса, чье творчество построено на бесчисленных культурно-литературных аллюзиях, этот роман стало определяющим: ему аргентинский писатель посвящает отдельное эссе, к нему отсылает и в своем программном рассказе «Сад расходящихся тропок». «В непосредственной связи со “в чем-то фантастическим” романом “великого писателя” Цао Сюэ-цинся состоит один из лучших “вымыслов” Борхеса – рассказ “Сад расходящихся тропок”, о значении которого для писателя говорит уже то, что именно по этому рассказу озаглавил он изданный в 1941 году сборник своих новелл, начинающих игры со временем и пространством и составивших – под тем же названием – первый раздел книги “Вымышленные истории” 1944 года» [2: 18].

Основная часть. Сон как инструмент критики неоконфуцианской идеологии в пьесе Тан Сян-цзу «Пионовая беседка».

Поэты и драматурги используют сны, чтобы вызывать эмоции, создавать яркие образы, конструировать запутанную повествовательную интригу. Сновидения также становятся одной из центральных тем в ранней литературе Китая, например, в жанре чжигуай (志怪 – «рассказы о чудесах»). Когда речь заходит о теме сна в китайской литературе, одним из главных примеров является пьеса «Пионовая беседка», которая, в свою очередь, сочинена по мотивам хуабэни «Du Liniang mu se huan hun» (杜麗娘慕色還魂 – «Возвращение жаждущей любви невесты Ду в призрачном облике») с ее ключевыми сюжетными элементами, заимствованными из жанра чжигуай [14: 191].

Пьеса «Пионовая беседка», также известная по-китайски как «Mudanting» (牡丹亭), была написана Тан Сянь-цзунем в 1598 году и

является одним из главных литературных памятников минской эпохи, пользующимся среди драматических текстов не просто читательской известностью и популярностью, но и больше всех получившая дальнейшие интерпретации, что связано, с одной стороны, с использованием в пьесе онейрического мотива, с другой – со смелой по тем временам трактовкой основных положений неоконфуцианства, вызывающего неоднозначный общественный резонанс. Религиозно-философская доктрина неоконфуцианства, разделяя некоторые основополагающие принципы классического конфуцианства, постулировала строгое соблюдение социальной иерархии, моральных кодексов и предписанных гендерных ролей, включив метафизические и космологические идеи буддизма и даосизма в рамки конфуцианства, и выступала социально ангажированной доктриной в эпоху Мин.

Жизнь в позднеминскую эпоху – это жизнь по неоконфуцианскому предписанию. Обеспокоенный упадком государственного аппарата наряду с его репрессивной идеологией, Тан Сянь-цзу не находит лучшей противоборствующей силы неоконфуцианским установкам, чем любовь или *qíng* (情)². Используя онейрический мотив, Тан Сянь-цзу смог убедительно раскрыть тему *qíng*, замаскировать резкую социальную и политическую критику и предложить свою формулу по реформированию определенных китайских ценностей, используя концепт сна. Основная тема и идея пьесы отражены в её зачине: «Любовь, возникшая во сне, – разве она не может быть настоящей? Неужели для Поднебесной такая редкость впервые увидеть человека во сне? А ко-

² Слово 情 (*qíng*) в китайском языке и классической философии имеет широкий семантический диапазон и состоит в непосредственной связи с внутренним психологическим состоянием человека. Концепция «*qíng*» имеет следующие коннотации: чувство, эмоция, сантименты, любовь, страсть. В одном из главных трактатов конфуцианства «Ли Цзы» мужчинам предписываются 7 чувств (*qíng*): радость, любовь, гнев, печаль, страх, неприязнь и симпатия. Считается, что с их пробуждением человек достигает гармонии. В современном же употреблении иероглиф 情 выступает составной частью различных слов, выражающих сильные эмоции, как например, 爱情 (*àiqíng*) – любовь или 情谊 (*qíngyì*) – дружеская привязанность.

гда говорят, что свадьбы совершаются только на циновке и подушке, что близкими становятся, лишь “повесив шапку” в доме невесты, – все это рассуждения только о внешней форме» [9].

«Пионовая беседка» композиционно состоит из 55 сцен, из которых, как правило, на сцену переносятся непосредственно связанные с любовной линией десять. Многие, носящие вторичный характер, эпизоды в «Пионовой беседке», – это образцы направленной сатиры Тан Сянь-цзуня на коррумпированный императорский двор. В пьесе больше 30 героев, а действие разворачивается во времена империи Южная Сун. Ду Бао, префект округа Наньань, обеспокоенный тем, что его шестнадцатилетняя дочь Ду Ли-нян (杜丽娘 – букв. *красивая девушка*) не сможет привлечь образованного мужа, нанимает ученого-конфуцианца Чэнь преподавать ей основы конфуцианства, продуктивные занятия с которым станут залогом будущего счастливого брака. Педантичному наставнику Ду Ли-нян противопоставляется её служанка Чунь-сян (春香 – букв. *весенний аромат*), которая помогает девушке укрыться от учёбы в саду. Неоконфуцианство подчеркивало важность сыновнего/дочернего благочестия, которое подразумевает, что дети почитают своих родителей и неукоснительно повинуются им. «Во времена династии Мин воспитание девочек строилось по “трем покорностям и четырем добродетелям”. В детстве девочка должна подчиняться отцу. После свадьбы принадлежать мужу. В старости слушаться сына. Она должна быть скромной, послушной, соблюдать правила поведения и хранить чистоту и целомудрие» [1: 58]. Позиция официальной религиозно-философской доктрины неоконфуцианства не предполагала никаких личных свобод для женщин, которым возбранялось переступать порог собственного жилища без предварительного согласия мужчины-хозяина или в его отсутствие. Акт побега главной героини в сад с пионовой беседкой сам по себе бросает вызов

неоконфуцианским установкам и подводит к ключевой сцене всего произведения – сну Ду Ли-нян.

Очарованная садом, Ду Ли-нян засыпает и влюбляется в приснившегося ей молодого студента Лю Мэн-Мэя (柳梦梅 – букв. сон о сливе³), с которым у героини возникает сновидческое обоюдное чувство. Пробудившись, тоскуя по возлюбленному, Ду Ли-нян чахнет от болезни, которую сегодня отнесли бы к психосоматическим заболеваниям. Сознывая фатальность исхода, она рисует свой портрет, пишет стихотворение и просит служанку спрятать их в саду, где Ду Ли-нянь была похоронена после скорой кончины от любовной лихорадки.

В неоконфуцианстве идея личной свободы игнорировалась, а восприятие человека как неотъемлемой части более широкой социальной и космогонической структуры подчеркивало важность общественной гармонии и порядка. Индивидуальная автономия в этом контексте часто помещалась в рамки исполнения людьми строго регламентированных ролей и обязанностей, предписанных социальной иерархией. Акцент на этике в идеологии неоконфуцианства способствовал ее влиянию на китайское общество и институт брака. Заключение брака, в первую очередь, было направлено на поддержание и повышение семейного статуса, а также на укрепление социальных и экономических связей между кланами, поэтому выбор супруга не мог предоставляться юной девушке. «Династия Чжоу также ставила условие, что при вступлении в брак необходимо выполнять “шесть обрядов, а именно”»: предварительная договоренность между семьями, запрос имени невесты, предсвадебное гадание, церемония вручения подарков, период обхаживания и целование. Если эти ритуалы не соблюдены, брак между мужчиной и женщиной не признается обще-

³ Согласно замыслу автора Лю Мэн-Мэй во сне впервые видит Ду Ли-нян под цветущей сливой.

ством и семьей»⁴ [15: 142]. Драматический дискурс пьесы Тан Сянь-цзуня прогрессивен с учетом контекста эпохи: вызов строгим канонам и акцентуация индивидуальных эмоции, переживаний и стремление к личному счастью выделяют «Пионовую беседку» среди прочих художественных текстов минской эпохи.

Центральное место в пьесе отводится стремлению Ду Ли-нян к независимой любви, реализуя свой протест против социально ангажированного диктата посредством создания альтернативной – онейрической – реальности. Её поиски проходят через две отдельные фазы: непосредственно стремление героини быть с возлюбленным в первой части пьесы и поиск социального одобрения этого стремления во второй части, предворяемой перерождением героини. Причина, по которой автор использовал онейрический мотив, чтобы поставить под сомнение неоконфуцианские установки, заключается в том, что в условиях ограничений феодальной брачной системы у Ду Ли-нян и Лю Мэн-Мэя нет возможности, влюбившись друг в друга, заключить брак в реальном мире. Это недопустимо как для Ду Ли-нян из-за явных ограничений свободы незамужней женщины, так и для Лю Мэн-Мэя, бедного студента, которому в начале пьесы еще только предстоит сдать государственные экзамены, чтобы получить статус, соответствующий кандидату в зятья областного префекта. В таких условиях дальнейшее знакомство и развитие чувств для героев возможно только во сне. Тан Сянь-цзу прибег к мотиву *встречи во сне* для разоблачения

⁴ В оригинале автор статьи, перечисляя шесть предсвадебных обрядов, сохраняет китайские названия у трех из них: «The Zhou Dynasty also stipulated that the "six rites" must be performed when marrying, namely: nàcǎi, asking for the name, nàjí, nàzhēng, please period, and kissing». Дословно: 納采 – nàcǎi – предварительная договорённость между семьями о браке, а также запрос имени и даты рождения будущей невесты. Судя по всему, договорённость заключалась между главами семей, после чего сторона жениха должна была формально запросить имя и личную информацию о будущей невесте. 納吉 – nàjí – предсвадебное гадание со стороны жениха в храме предков, после которого семье невесты сообщают о результатах гадания и преподносят в подарок гуся. 納徵 – nàzhēng – церемония вручения подарков в честь помолвки, а именно, пять рулонов шёлковой ткани красного и чёрного цвета и две оленины шкуры.

в обход цензуре отживающей феодальной брачной системы и диктата неоконфуцианства, делающего в реальной жизни людей, стремящихся к индивидуальному самовыражению, заложниками бездушной системы. «Тан предпочел защищать или эксплицировать qíng, а не проповедовать моральные принципы, потому что он понимает преобладающую роль qíng в жизни людей, а также ее мощное воздействие на аудиторию» [13: 148].

Можно заметить, что в «Пионовой беседе» стремление Ду Ли-нян к идеальной любви реализуется, главным образом, через сновидения. Стремясь ниспровергнуть устоявшиеся нормы и подвергнуть сомнению жесткие социальные конструкции, Тан Сянь-цзу, не принимающий ортодоксальные постулаты репрессивного учения и, в то же время, воспитанный в рамках восходящей к Первоучителю Конфуцию национальной традиции, полемизирует с положениями конфуцианской идеологии. Свои идеи о qíng, свободе личности и брака он передает, используя фигуру сна и *сновидческую реальность* делая осязаемой и жизнеутверждающей. «Сон в драме дает читателю возможность узнать не только о праве человека на любовь, но и о потенциальной бессмысленности политического давления на нее» [13: 151].

Вторая часть пьесы и попытки Ду Ли-нян получить разрешение отца на брак и общественное благословение указывают на то, что главная героиня никогда не порывала с традиционным укладом. Без семейно-социального одобрения брак между Ду Ли-нян и Лю Мэн-Мэем не может состояться. С этой точки зрения концепция Тан Сянь-цзу о qíng все еще неотделима от концепции группы с ее социальным уставом, не говоря уже о принципе верности и сыновнего/дочернего почтения. Тан Сянь-цзу не противится национальной традиции и этике как таковой, а выступает против репрессивности неоконфуцианского учения. Ду Ли-нян проносит свою любовь через три метафизических состояния *сон-смерть-воскресение*. Онейрический мотив помогает ав-

тору выйти за рамки *неоконфуцианской реальности*, при этом гармонично вписаться в общий контекст общественных стандартов позднеминской эпохи и привлечь положительно-заинтересованное внимание зрительской аудитории, подспудно донося свой меседж и мотивируя на пробуждение к конструктивным переменам.

Заключение.

Со времен архаических и древних сказители, затем литераторы прибегали к фигуре сна, чтобы создать интригу, передать эмоции и переживания героев, транслировать важный посыл своего сочинения, а порой весь основной каркас текста строился на зыбкой основе сна как сюжетообразующего концепта. Мотив сна широко представлен восточной, в частности китайской классической литературой, в которой сны имеют важную семантическую нагрузку и непосредственные переключки с религиозно-философскими учениями и ортодоксальными доктринами Китая. Сон становится базовым концептом пьесы позднеминского драматурга Тан Сянь-цзуня «Пионовая беседа», направленной на разоблачение неоконфуцианских идей и канонов. Сталкивая реальность и сон, жесткие социальные табу и свободу индивидуального выбора, домострой, прописанный неоконфуцианством, и аффект, безудержный порыв души, Тан Сянь-цзу делает однозначный выбор в пользу *qíng*, утверждая приоритет возвышающего чувства над брэнной материей.

Несмотря на обширность онейрической темы в целом своде китайской литературы, в фокусе внимания русскоязычной критики традиционно оказывается прославленный роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме», что позволяет наметить перспективу дальнейшего расширенного исследования избранной темы в соотношении с многообразными и многожанровыми текстами китайской классики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзюньтао. Положение женщин в Китае в период правления династий Тан, Мин и Цин // Международные отношения и диалог культур, № 7, 2019. – СС. 55–70.
2. Гончар-Ханджян Н.К. Символы и метафоры Х.Л. Борхеса в переключке с китайской классикой // Բանբեր Երևանի համալսարանի. Բանասիրական, № 1, 2020. – Ереван, 2020. – СС. 14–23.
3. Гуаньчжун Ло. Троецарствие. – М.: «Художественная литература», 1984. – 792 с.
4. Классическая драма Востока. Китай // Сост. В. Сорокина. – М.: «Художественная литература», 1976. – 880 с.
5. Мастерство сна в даосской традиции // Магазета. Рубрика: Культура и традиции. Опубликовано 27/11/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazeta.com/shuigong> (Дата обращения: 28.01.2024).
6. Рабинович Е.И. Сны Пробужденных: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета. Монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. – 204 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28108/1/978-5-7741-0196-2_2013.pdf (Дата обращения: 03.03.2024).
7. Поэзия и проза Древнего Востока // Под ред. И. Брагинского. – М.: «Художественная литература», 1973. – 736 с.
8. Притчи Чжуан-цзы // Международная издательская компания «Шанс». Оглавление Сюэ Фэй, 2019. – 180 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clik.ru/hcJeU> (Дата обращения: 22.01.2024).
9. Тан Сянь-цзу. Пионовая беседа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://librebook.me/klassicheskaja_drama_vostoka/vol2/6 (Дата обращения: 22.01.2024).
10. Шварц Т. Секреты сновидений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/teodor-shvarc/sekrety-snovideniy-584165/chitat-onlayn/> (Дата обращения: 28.01.2024).
11. Японская поэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://japanpoetry.ru/> (Дата обращения: 28.01.2024).
12. Rossi D. The Biography of the gTer ston ma bDe chen chos kyi dbang mo (1868–1927) // Revue d'Etudes Tibetaines – Tibetan Studies in Honor of Samten

- Karmay. Part II – Buddhist & Bonpo Studies, Paris, 2008, November. – PP. 371–378.
13. *Wei Hua*. Dreams in Tang Xianzu's Plays // Chinoperl, Journal of Chinese Oral and Performing Literature, № 16, 1992. – PP. 145–163.
14. *Xiaohuan Zhao*. From Story to Script: towards a Morphology of The Peony Pavilion—a Dream/ Ghost Drama from Ming China // Acta Orientalia Vilnesia, Vol. 7, № 1–2, 2006. – PP. 189–207.
15. *Yue Song*. Analyzing the Peony Pavilion and Romeo and Juliet from a Comparative Perspective of Chinese and Western Cultures // International Journal of Education and Humanities, Vol. 10, № 2, 2023. – PP. 141–145.

**ԵՐԱԶԱՆՆԵՐԻ ՌԵՊՐԵԶԵՆՏԱՅԻԱՆ ՉԻՆԱԿԱՆ
ԴԱՍԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ ԵՎ ՕՆԻՐԻԿ ՆՆԱՐՔԸ «ՔԱՉՎԱՐԴԻ
ՏԱՂԱՎԱՐԸ» ԴՐԱՄԱՅՈՒՄ**

Ն.Կ. Գոնչար-Խանջյան

ORCID: [0009-0002-5462-8509](https://orcid.org/0009-0002-5462-8509)

natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

*Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ,
Երևանի պետական համալսարանի
Արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

Ա.Ա. Հարությունյան

Zarutyunyan4@gmail.com

*Ռուս-Հայկական համալսարանի
Օտարերկրյա տարածաշրջանագիտության 3-րդ կուրսի ուսանող,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Մարդկության արշալույսին երազը սկսեց առանձնահատուկ տեղ զբաղեցնել տարբեր կրոնական ուսմունքներում, սուրբ պաշտամունքների, ծեսերի, առեղծվածների անփոխարինելի բաղադրիչն էր և հանդես էր գալիս որպես միջմշակութային առասպելի առաջատար տարր: Երազի հայեցակարգը էական է արևելյան մշակույթները, մասնավորապես չինականը հասկանալու և ըմբռնելու համար, իսկ իմաստուն Չժուան Չժուի (կամ Չժուան Ցզի) հայտնի երազը դարձավ մի շարք գրական պոեմների մեկնարկային կետը: Օնիրիական թեման, որը չին գրականության լեյտմոտիվն է, առկա է, երբեմն որոշում և առաջնորդում է գործողությունը հին և միջնադարյան պատմվածքներում, դրամաներում և դասական վեպերում, իր քնարական արտահայտությունն է գտնում Լի Բոյի, Դու Ֆուի, Մեն Հաորանի, Ցզյան Կուի, Բեյ Դաոն, Հայ Ջին և այլ պոետների բանաստեղծներում:

Սույն հոդվածի թեման Չինաստանի կրոնական, փիլիսոփայական և գեղարվեստական և գրական ժառանգության մեջ երազների ֆենոմենոլոգիայի համառոտ ներկայացումն է, մասնավորապես, Թանգ Սյան Ցզուի «Քաջվարդի տաղավարը» պիեսի հիման վրա:

Սույն հոդվածի նպատակն է՝ փոխանցել չինական դասական գրականության օնիրիական թեման, որն անսպառ նյութ է տրամադրում ժամանակակից հեղինակներին, ում առաջատար թեմաներից մեկը երազն է: Հոդվածի հեղինակներն ուղղակիորեն կենտրոնանում են Մինգի ուշ դարաշրջանի դրամայի վրա, որտեղ երազի մոտիվն օգնում է շրջանցել գրաքննությունը և արտահայտել հեղինակային ամուր դիրքորոշում պաշտոնական նեոկոնֆուցիական գաղափարախոսության վերաբերյալ՝ առանց բացահայտ հակասության մեջ մտնելու սոցիալական լայն շերտի հետ, որն ուղղափառ հայացքների կողմնակիցն է: Հոդվածը հիմնված է դասական չինական

գրականության տեքստերի օրինակների, ինչպես նաև ռուսերեն և անգլերեն գիտական աղբյուրների հղումների վրա: Տանգ Սյան Ցզուի պիեսի երազանքի թեմային ռուսերենով գիտական անդրադարձների սակավությունը, դրա հետ մեկ տեղ բեմական բարձր ժողովրդականությունը (ներառյալ Ռուսաստանը), որոշում է ընտրված թեմայի արդիականությունը:

Բանալի քառեր՝ Տանգ Սյանձու, «Քաջվարդի տաղավարը», օնիրիկ մոտիվ, նեոկոնֆուցիականության քննադատություն:

THE REPRESENTATION OF DREAMS IN CHINESE CLASSICAL LITERATURE AND ONEIRIC DEVICE IN THE DRAMA «THE PEONY PAVILION»

N. Gonchar-Khanjyan

ORCID: [0009-0002-5462-8509](https://orcid.org/0009-0002-5462-8509)

natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Foreign Literature,
Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia*

A. Arutyunyan

2arutyunyanna4@gmail.com

*Third year student in Foreign Region Studies,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

At the dawn of mankind, dream began to occupy a special place in various religious teachings, was an indispensable

component of sacred cults, rituals, mysteries, and acted as a leading element of cross-cultural myth. The concept of sleep is essential for understanding and comprehending Eastern cultures, in particular Chinese, and the famous dream of the sage Zhuang Zhou (or Zhuang Zi) became the starting point for a number of literary plots. The leitmotif in Chinese literature, the oneiric theme is present, and sometimes determines and leads the narrative in ancient and medieval stories, dramas and classical novels, finds its lyrical expression in the poems of Li Bo, Du Fu, Meng Haoran, Jiang Kui, Bei Dao, Hai Zi and other poets.

The subject of this article is a brief presentation of the phenomenology of sleep and dreams in the religious, philosophical and artistic and literary heritage of China, in particular based on the play «The Peony Pavilion» by Tang Xiang-zu.

The purpose of this article is to convey the oneiric theme in Chinese classical literature, which provides inexhaustible material to modern authors, one of the leading themes of which is sleep. The authors of the article focus directly on the drama of the late Ming era, where the motif of a dream helps to bypass censorship and express a strong author's position regarding the official Neo-Confucian ideology, without entering into open conflict with a wide social stratum adhering to orthodox views. The article is based on examples from texts of classical Chinese literature, as well as references to scientific sources in Russian and English. The limited critical appeals in Russian to the dream motif in Tang Xiang-zu's play, given the high level of its stage popularity today (including in Russia), determines the relevance of the chosen topic.

Keywords: Tang Xianzu, «Peony Pavilion», oneiric motif, criticism of neo-Confucianism.

Информация о статье:

статья поступила в редакцию 17 марта 2024 г.,

подписана к печати в номер 13 (17) / 2024 – 20.06.2024 г.